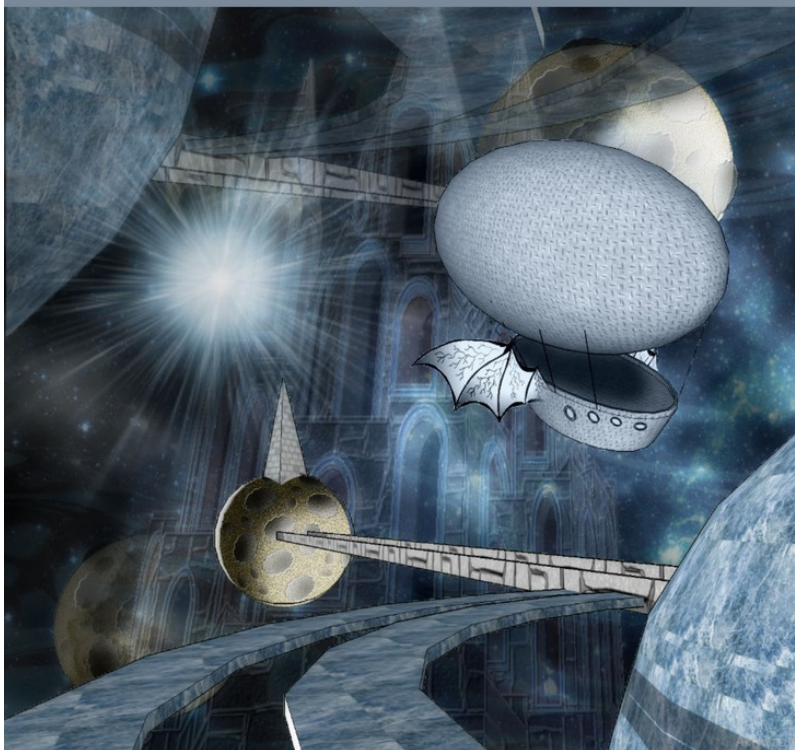

Мария Фомальгаут
Конь-драконь

Мария Фомальгаут

Конь-драконь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28745516

ISBN 9785449025524

Аннотация

С самого раннего детства он знал, что рожден для чего-то большего, чем прозябать в маленькой деревушке на краю земли, где, если заиграться, можно упасть за край. С самого раннего детства, когда его сверстники настойчиво спрашивали родителей, а что находится там, за холмами, какие города, какие неведомые страны – он донимал взрослых вопросами, а что прячется там, за краем земли. Взрослые отмахивались, бледнели, да что ты такое говоришь, да все дети, как дети, а ты...

Содержание

Убийца-дворецкий	6
Безнебные окна	15
Лестница из окон	17
Суперконтинент	20
Красный	20
(ну, не красный, ну, цвет гранатовых каньонов)	21
Синий	22
(Он сам не захотел быть синим, он сказал, будет сапфировый)	23
Желтый	24
Черный	26
Зеленый	27
Красный	28
(цвета гранитных каньонов)	29
Си... а нет, сапфировый	30
Желтый	31
Черный	32
Зеленый	33
Красный	34
Сапфировый	35
Желтый	36
Черный	37

Зеленый	38
Красный	39
Сапфировый	40
Желтый	41
Черный	42
Зеленый	43
Красный	44
Сапфировый	45
Желтый	46
Черный	47
Зеленый	48
Суперконтинент	49
Йольский кот	50
Пятая грань пирамиды	57
Потерянный портал	70
Шаг-Шах	76
Эрки	86
Конь-Драконь	100
Цаха	110
Мертвая наполовину	121
Черри	127
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Конь-драконь

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2018

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-2552-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Убийца-дворецкий

– Позвольте поинтересоваться, как его убили? – спросил я.

Нет, спросил – это неудачно сказано, здесь больше подойдет – осторожно осведомился.

Итак:

– Позвольте поинтересоваться, как его убили? – осторожно осведомился я.

– Его убили...

Дворецкий не договорил. Нет, тут произошло что-то другое, он сказал – но я не услышал его слов. И даже не так – его слова как будто... пропали.

Вот это я хорошо запомнил.

Что его слова пропали.

Я приехал к «Дроздам» после захода солнца – когда мне позвонили и сказали, что в «Дроздах» убили хозяина. Труп лежал в центре гостиной с...

...сколько я не смотрел на убитого, я так и не мог понять, что же именно с ним случилось. Его убили – несомненно, но я не видел на теле никаких следов убийства. Нет, не то, чтобы их не было – я их не видел, в том-то была вся разница.

– Как его убили? – спросил я второй раз.

– Его...

...и снова я не услышал ответа – и не потому, что он не от-

ветил, а потому, что...

Что-то произошло.

– Вы можете сказать мне, как его убили? – не выдержал я.

– Нет.

– Но...

– ...цензура, друг мой.

– Простите?

– Цензура.

– Что вы имеете в виду?

– В книге не должно быть написано, как убили человека...

власти боятся, вдруг кто-то прочитает книгу и сделает то же самое.

– Но...

– ...очень сожалею, ничем не могу помочь.

Я еще раз посмотрел на место преступления, потом многозначительно перевел взгляд на дворецкого.

– Я одного не понимаю... зачем вы вызвали меня?

– Но как же... кто-то убил хозяина... и я...

– Кто-то? Да вы же сами его убили.

Ни один мускул не дрогнул на лице дворецкого.

– Отчего вы так решили? У вас есть доказательства?

– Представьте себе – есть.

– И какие же?

– Орудие убийства в вашей руке.

– Но это же...

...дворецкий не договорил, что это, – его слова снова по-

терялись куда-то.

– Да это же...

...и снова я ничего не услышал.

– ...этим вполне можно убить человека, – ответил я.

– С чего вы взяли, что... можно убить человека?

– Если бы этим нельзя было никого убить, цензура не стала бы закрывать это слово, – парировал я, – дайте-ка мне эту штуку, как вещественное...

– ...но это не орудие убийства!

– Откуда вы знаете?

– На нем даже крови нет... вот настоящее орудие убийства, вот, на нем даже кровь осталась, про кровь я писать могу?

С этими словами дворецкий проследовал в свою комнату и извлек из неприметного ящика стола что-то, завернутое в наволочку. Когда он развернул наволочку, я увидел...

...я ничего не увидел, в книге не было этого слова, поэтому мне не дали увидеть предмет. Но кровь на предмете недвусмысленно показала мне, что это и есть орудие убийства.

– Я вынужден арестовать вас.

– Не имеете права. Вы даже не из полиции...

Я попытался перехватить его руку, чтобы обезвредить врага – но, к несчастью, не успел, он опередил меня, и...

...я не знал, что он сделал со мной. Я увидел себя лежащим на полу, вокруг в большом холле суетилась полиция,

два сержанта ожесточенно спорили друг с другом, как нужно составлять протокол происшествия, если нельзя написать, чем именно был убит хозяин дома...

– Его убил дворецкий, – сказал я.

Меня никто не услышал.

– Его убил дворецкий, – повторил я.

На меня снова никто не обратил внимания.

– Да что с вами? – я вскочил с ковра, и, пошатываясь, направился в сторону полицейских, – вы не слышите меня?

– Вы мертвы, – отозвался один из сержантов.

– Но...

– ...вы мертвы. Убийца хозяина убил и вас тоже.

– И как вы объясните тот факт, что я стою перед вами?

– Он не смог вас убить... потому что ему было нечем вас убить.

– Что вы имеете в виду?

– Все орудия убийства исчезли... чем же он мог вас убить?

– В таком случае, я живой.

– Но по сюжету вы мертвы.

Я уже готов был горячо отстаивать свое право не быть убитым, но сержант примирительно закивал головой:

– Ну, хорошо, хорошо, так и быть, будете помогать мне вести расследование.

– По... помогать? Но, позвольте, я только что назвал вам имя убийцы, и вообще...

– ...друг мой, вы не имеете права расследовать это дело.

– Но...

– ...цензура, друг мой, цензура. Вы понимаете, что нынешние власти крайне недовольны тем, что все преступления раскрывают какие-то далекие от полиции частные детективы, а сами полицейские предстают такими дураками, которые не способны увидеть очевидное...

– И что теперь?

– Теперь по новым законам вы можете только слегка помогать полиции...

Я еле удержался, чтобы не рассмеяться.

– Ну и как долго вы будете расследовать сами? Год? Два? Десять лет? Пока убийца не уничтожит всех жителей города?

– ...смерть наступила четыре часа назад, – сказал я. Хотя на это я имел право.

Сержант одобрительно кивнул. Я пометил в блокноте, что это уже четвертый случай за месяц, когда кто-то убивал владельцев богатых домов.

Пожилая хозяйка роскошного особняка лежала на коврике у камина с... а вот что случилось с хозяйкой, мы не видели.

– А что было общего у убитых? – спросил я.

– Постойте, постойте... не подсказывайте, – отчаянно запротестовал сержант.

– Но это же так просто... посмотреть, что объединяло всех убитых, и...

– Ну, зачем вы это сказали, ну зачем? – сержант схватился

за голову, – такой план... и вы мне его провалили...

Мне показалось, что я ослышался.

– Почему... провалил? – не понял я.

– Ну как же... – сержант запустил пятерню в седые волосы, – цензура... цензура не пропустит это... не позволит... чтобы вы расследовали дело.

– Что же вы сами можете предложить? – спросил я.

Вместо ответа сержант посмотрел на меня так, что я чуть не провалился сквозь землю.

– Вот что... – спохватился он мгновение спустя, – а что, если... ловить на живца?

– Что вы имеете в виду?

– Ну... некий человек будет играть роль богача... а мы будем за ним следить... Рано или поздно убийца придет туда... тут-то мы его и схватим.

– Отличная идея, – кивнул я.

– Вам тоже так кажется, мой юный друг? Вот и прекрасно.

И тут меня осенило:

– А... а можно я подыщу живца... и присмотрю за ним?

– Превосходно, друг мой, думаю, что мы сможем доверить вам это дело.

Я многозначительно улыбнулся.

– А это не опасно? – спросил тот, кого мы считали наживкой.

– Можете даже не сомневаться, что ни один волос не упадет с вашей головы, – заверил его я.

Живцом оказался немолодой мужчина с залысынами, он работал то ли редактором в каком-то издательстве, то ли чиновником в каком-то министерстве. Ему очень понравился дом, ненадолго ставший его жилищем, и он даже посетовал, что не может купить себе такой особняк. Я хотел ответить ему что-нибудь утешительное, но в этот момент кто-то позвонил в дверной колокольчик. Мне не оставалось ничего кроме как спрятаться за ширмой и наблюдать, как новоиспеченный хозяин впустил в дом уже знакомого мне дворецкого.

– День добрый, я по объявлению, – сказал он, – вам ведь нужен дворецкий, не так ли?

– М-м-м... боюсь, вы ошиблись. Я...

– ...у вас уже есть дворецкий?

– Н-нет...

– Как, в таком роскошном особняке и нет дворецкого? Честное слово, я вам поражаюсь... кто же у вас ведет хозяйство?

– Гхм... как раз думал обзавестись кухаркой...

– ...кроме того, вам понадобится горничная. И садовник. Я помогу вам подобрать подходящие кандидатуры, все-таки не зря я много лет управляю домами... Сейчас какую попалю прислугу в дом брать нельзя, сами знаете, какие времена пошли...

– Очень вам благодарен. Право же, не знаю, за что мне выпала такая честь...

– ...не стоит, не стоит, помогать своим хозяевам – мое призвание...

– ...я одинокий человек, понимаете... – продолжил хозяин.

Дворецкий, казалось, был смущен.

– Ну что вы... для меня это такая честь...

– ...ничего особенного, достойная награда за многолетний труд...

Многолетний труд... подслушивая за ширмой, я задумался, как удивительно в книге идет время. Прошло всего несколько строк, за которые миновало три года службы дворецкого в роскошном доме. Я задумался, как ощущают время хозяин дома и дворецкий – и не нашел ответа.

– ...вчера я составил завещание. После моей смерти вам переходит солидная сумма...

– ...я бесконечно вам благодарен, – ответил дворецкий, и...

...я не видел, что он сделал с хозяином дома. Я только видел, что хозяин дома лежит на коврике с...

...а что с ним случилось, я не видел. Мне ничего не оставалось кроме как позвонить в колокольчик – в ответ на это в комнату ворвались полицейские и в считанные секунды скрутили убийцу. Но сержант не принимал участие в задержании – он оторопело смотрел на труп на полу.

– Вы... что вы сделали? – спросил меня сержант.

– Но это не я...

- ...вы позволили ему убить хозяина!
- А, вот вы про что...
- Куда... куда вы только смотрели?
- Вы все еще ничего не поняли?
- А... что я должен был понять?
- Вы не поняли, кто это был?
- Подсадная утка...
- А где он до этого работал, не помните?
- Да я и не знаю.
- То есть, вы не узнали главного цензора?
- Вы... вы это подстроили, чтобы...
- ...теперь вернутся времена старых добрых детективов.

Когда...

Я не успел договорить, я не понимал, что со мной случилось, я только догадывался, что умираю – потому что умер давным-давно, когда дворецкий пронзил меня кинжалом.

Безнебные окна

...по вечерам собирались в тех комнатах замка, где еще было тепло и свет. Раньше тепла и света было больше, но чем сильнее холода подступали с севера, тем меньше оставалось залов со светом и теплом: старики и вовсе вздыхали о тех счастливых временах, когда свет был даже в коридорах, а тепло – в больших анфиладах. Какой-то чудака заявлял, что свет как-то связан с фонарями, а тепло – с огнем в очаге, но этого чудака все – стар и млад – прилюдно подняли на смех.

Подняли на смех и другого чудака, который хотел, чтобы в каждом окне замка было небо и луна. Он находил окно с луной и небом и подносил к нему зеркало, а потом шел с этим зеркалом и отраженной луной к безнебному окну, и вывешивал там отражение. Старики ворчали, что, дескать, не нужны им фальшивые окна, окнам этим был грош цена в базарный день. Подделку можно было отличить очень легко: когда все настоящие окна показывали растущую луну, в фальшивом окне было её отражение, то есть, луна старая, а когда в правильном небе была старая луна, то наоборот. Но скоро чудака наделал столько фальшивых окон, что люди перестали понимать, где настоящее окно, а где нет.

Еще один чудака занимался тем, что спасал заблудившиеся лестницы: он почему-то был уверен, что лестницы, ведущие

в пустоту или упирающиеся в глухую стену, а то и вовсе висящие в воздухе непременно заблудились, и нужно указать им на дверь. Чтобы указать лестницам на дверь, чудаки развешивали над дверями красивые фонари.

Люди часто спорили, что находится за пределами нашего замка, и есть ли у него пределы: одни говорили, что замок бесконечный, другие уверяли, что если долго-долго идти по замку, можно вернуться в ту же залу, откуда ушел. Были и такие, что говорили, будто за пределами нашего замка есть другие замки, не похожие на наш. Официальной была признана теория, будто нашего замка, как и его обитателей, не существует.

Лестница из окон

Дома бывают разные, у каждого дома своя неповторимая душа. Это я, конечно, говорю про дома старинные, созданные в те времена, когда каждый дом строили с выдумкой, тщательно подбирали каждую башенку, каждый витраж в окне, каждую лесенку, каждую нишу для камина. Это сейчас дома на конвейере штампуют, раньше-то не так делали, раньше в каждый дом вкладывали душу.

Вот, например, дом у обочины, я там бывал пару раз. В доме три этажа, и во все три этажа – широченная винтовая лестница. Ни стен внутри, ни комнат – одна огромная лестница. С золотым перилами.

А вот бывший дом пастора – этот дом совсем не похож на предыдущий, в нем много окон, до того много, что самого дома не видно: окна на стенах, окна внутри, лестницы, выложенные из окон, окна между комнатами, и даже в кресле у камина сидит окно.

У камина... да, любимое мое место в доме – у камина, поэтому больше всего мне нравится дом булочника, который выстроен возле камина.

В каждом доме по-своему скрипят половицы – особенно здорово они скрипят в доме у перекрестка, который весь выложен из половиц, поэтому в нем можно ходить не только по полу, но и по стенам, и по потолку.

Напротив дома с половицами устроился дом, весь насквозь пронизанный водосточными трубами – они там повсюду, вдоль и поперек, переплетаются меж собой, и в их лабиринте блуждает ветер.

Есть дома, дома и дома... дома, которые запоминаешь на всю жизнь, и дома, которые забудешь, как только выйдешь за порог, а есть и такие, которые забудешь еще до того, как туда войдешь. Есть дома большие, как целые миры, и такие маленькие, что их можно засунуть в ухо. Дома, спрятанные глубоко под землей и дома, которые парят в воздухе. Доводилось мне видеть дом, у которого вместо окон были двери, а вместо дверей камин, а на окраине города стоит дом, у которого вместо комнат – лестницы, а лестница выложена из кроватей...

...стоп-стоп, это еще что за бред...

Какой бред?

Да этот весь, про дома. Какие еще лестницы вместо окон, какие водосточные трубы поперек...

...откуда это?

Смотрю на дома, про которые мне нужно рассказать, понимаю, что не так я всё это себе представлял, не так, – скрипучие лестницы, заброшенные беседки, укрытые опавшими листьями, кухни, пропитанные запахами корицы и кофе, уютные гостиные, где прячутся воспоминания, – но не это, никак не это...

Вы вот что... вы меня читаете, да? Вы моему автору ска-

жите, что я задание его не выполнил. Он же мне что велел? Он мне велел про дома рассказать, а я вместо этого сейчас пойду разбираться, что случилось, кто и для кого строил эти дома... явно не для людей.

Так что вы передайте автору... а я пошел...

Суперконтинент

Красный

(ну, не красный, ну, цвет гранатовых каньонов)

А? Это круто. Да говорю вам, он крутой. Кто? Суперконтинент, кто ж еще, кто его круче... Я совсем маленький был, когда первый раз про него прочитал, жалко, первый комикс не сохранился. А потом каждую неделю чуть свет бежал к газетной лавочке, чтобы прочитать новые приключения суперконтинента...

А? Да он много чего умел, проще сказать, чего он не умел. Сейчас уже и не помню толком, какие у него там были приключения, какие подвиги, как он там всех спасал, помню только, что было круто, еще как круто...

Представлял, конечно. Еще как. Вот когда все крахом шло, родителей там в школу вызывали, или большие пацаны били, или еще чего такое – вот тогда и представлял себя суперконтинентом, большим, сильным, которого все боятся, а он никого не боится, и вообще... Это когда было, это давно было, да что давно, я и сейчас так делаю – когда все идет под откос, и на бирже паника, и не знаешь, чем оплачивать счета – поднимаюсь на чердак, открываю старые комиксы, листаю, читаю – суперконтинент...

И представляю себя суперконтинентом – большим и сильным.

Синий

(Он сам не захотел быть синим, он сказал, будет сапфировый)

Легенду про суперконтинент я слышал давным-давно, еще когда был совсем маленьким – нас, детей, собирали зимними вечерами у очага и рассказывали про суперконтинент, большой и сильный. Верил ли я в него? Да, несомненно, верил, я бы даже удивился тогда, если бы мне сказали – суперконтинента никогда не существовало.

Конечно, воображал себя суперконтинентом, не без этого, мастерил себе деревянный меч, доспехи, сражался с невидимыми противниками, разумеется, всех побеждал.

Уже потом, в юности, выискивал что-то про суперконтинент – в запыленных букинистических лавочках, на старых чердаках заброшенных замков, в каких-то хранилищах, в которые веками не проникал луч света. Осторожно открывал заветные книги, читал о бесконечно древних временах, когда на еще совсем юной земле царствовал суперконтинент, великий и могущественный. Читал до тех пор, пока не приходил хозяин лавочки или заброшенного дома и не выгонял меня гневными окриками...

...и даже сейчас, когда не осталось в мире чудес, я свято верю – суперконтинент был.

Желтый

Читаю пророчество.

Поздно вечером, когда всё стихает, и даже белые птицы не летят к вершине горы – сижу на крыльце маленькой своей хижины, читаю пророчество.

Так заведено.

Сакура цветет.

Бамбук шуршит.

Ночная птица кричит в зарослях.

Течет у подножья горы река времен.

Читаю пророчество.

Разворачиваю свиток древнее самого мира, читаю пророчество.

Что вернется все на круги своя, и будет суперконтинент.

Вернется.

Придет править землей, как правил он миллионы лет.

Просыпается вечерняя звезда.

Птица поет в зарослях бамбука.

Читаю пророчество.

А?

Ну, где мне суперконтинентом стать... хочется, конечно, кто же этого не хочет. Только где суперконтинент, а где я. Ну, может, через много-много веков, через много-много перерождений, падений и взлетов, обретений и потерь буду я

ближе к суперконтиненту, чем сейчас.

Черный

А?

Есть суперконтинент.

Да никуда он не делся, был и есть.

Его просто пока нет.

Ну как вам объяснить... он есть, но его пока нет.

Вот и я не понимаю.

Мне просто так рассказывали – он есть, но его нет.

А знаете еще что?

Суперконтинент – это я.

Только я пока еще не суперконтинент.

Зеленый

А вот вы можете объяснить, почему я – зеленый?

Вот я тоже не знаю.

Что вы говорите?

Суперконтинент?

Не было никакого суперконтинента, что вы, в самом деле.

Такие большие, а в сказки верите. Нет никакого Суперконтинента и не было никогда.

Красный

(цвета гранитных каньонов)

Я стану суперконтинентом.

Я знаю.

Ну как, знаю... вот так – знаю. Еще не сейчас, еще потом, когда-нибудь, вот так проснусь утром – а я суперконтинент, и могу делать... да все могу делать, все, что захочу.

Покупаю билеты, иду на премьеру, там про суперконтинент, как обычный континент вот так утром проснулся, посмотрел на себя – а он суперконтинент, и умеет...

....что умеет?

Ну, не знаю. Одни говорят, он умеет летать, другие говорят – он бессмертен, в третьих источниках он всех побеждает, – по-всякому.

Однажды я проснусь, посмотрю на себя – а я суперконтинент.

Потому что...

Просто.

Потому что.

Си... а нет, сапфировый

Еще в ранней юности не давала мне покоя шальная мысль.

Про суперконтинент.

Я верил, что суперконтинент – это я.

Не спрашивайте, почему, не объясню, не знаю.

Просто. Иногда вот так бессонными ночами лежал и думал, куда подевался суперконтинент, не может быть, чтобы он исчез бесследно. Может, он где-то прячется среди других континентов, как все пьет по утрам кофе, читает новости, ходи в супермаркет...

...а вдруг...

Даже придумывал себе какую-то полубредовую легенду, как со мной что-то случилось, и я перестал быть суперконтинентом, например, проклятье какое-то на меня пало, или победил меня кто-то, или я сам испугался своего могущества, стал обычным, но это ненадолго, на какие-то миллионы лет, а потом проснусь, расправлю крылья, или что там есть у суперконтинента...

По молодости еще писал какие-то поэмы про суперконтинент, сейчас уже не сохранилось ничего...

Желтый

Много они понимают...

Они, все.

Куда им до суперконтинента.

Им, всем.

Это же сколько над собой трудиться надо, чтобы суперконтинентом стать, им и не снилось. Это же надо целую вечность сидеть на вершине горы и думать о вечности, может, тогда что-то получится приблизиться к суперконтиненту на малый шаг...

Черный

Суперконтинент вернется.

Я знаю.

Вернее, не так.

Не вернется.

Потому что он никуда не уходил.

Зеленый

Нет, а вы все-таки можете объяснить, почему я зеленый?

Вот я тоже не могу.

Супер что?

Да говорю вам, не существует никакого суперконтинента,

что вы выдумыва...

...А?

Ученые, говорите, доказали?

Ну, может быть, мало ли.

Красный

Странное чувство, что это уже не на экране, не в кино, и не в играх, а вот здесь, сейчас, в самом деле, как говорится – хватит мечтать, надо действовать...

Набираю в поисковике – как стать суперконтинентом.

Думаю, что значит, когда поисковик не знает ответа.

Сапфировый

Озарение.

Даже не озарение, другое что-то, шел вчера по улице маленького городка, и постучалось что-то в сердце, – вот оно.

Тут.

Еще не здесь, еще не сейчас, но скоро, скоро...

Я понимаю, что я – уже не я.

Нет, все-таки еще немножко я. Но уже не совсем.

Суперконтинент здесь, совсем близко, я не знаю, готов ли я к встрече с ним, к встрече самого себя...

Желтый

...нет, все-таки не готов, да к этому и невозможно подготовиться, даже если целую вечность думать о вечности на вершине горы...

Смотрю на них на всех – насмешливо, презрительно, – я-то знаю, кто ста...

Черный

...нет суперконтинентом...

Зеленый

Ну, если ученые наши доказали, то да, конечно, так оно и будет, я стану суперконтинентом, да...

...а все-таки почему я зеленый?

Красный

Что-то происходит...

Сапфировый

Что-

Желтый

– то про...

Черный

...ИСХО...

Зеленый

...дит...

Красный

Начинаю понимать...

Сапфировый

Начи...

Желтый

...наю...

Черный

...по...

Зеленый

...НИМАТЬ...

Суперконтинент

Суперконтинент оглядывается.

Никого нет.

Йольский кот

Йольский кот.

Вот зачем это сказали, вот зачем сказали, а?

Вот кто это сказал?

Работники друг на друга смотрят с ненавистью, это ж надо же было кому-то ляпнуть...

Не, никто не признается, все работают, прядут, что еще делать-то.

Джилл тоже прядет.

Торопится.

Мало времени у Джилл, а времени много, и нужно время спрясть в тонкие нити.

Да, вот именно так.

Мало времени у Джилл, а времени много. И все-то время распутать надо, и все-то надо напрядь, в нитки смотать, а там уже из времени из этого будут ткань реальности ткать.

Так уж заведено.

Торопится Джилл.

И все торопятся. Да как же не торопиться, замешкаешься, отвлечешься – и не напрядешь ничего, а не напрядешь, так и без жалованья останешься, долго ли.

Подбадривают друг друга, давай-давай, шевелись, а ты чего там копаешься, а ты чего...

И тут кто-то:

Йольский кот.

И все вздрагивают.

Ну, еще бы, жуть-то какая, кто ж такое говорит.

Кот.

Да еще и йольский.

А?

Не знаете, кто такой?

Ну, повезло вам, раз про йольского кота не знаете, а у нас вот боятся этого кота, у-ух, как боятся.

Еще бы не бояться, он же не дремлет, он же ждет, он же смотрит, кто-кто пряжу в срок до Йоля не допряд. А как грянет Йоль в самую длинную ночь в году, так и йольский кот придет, там и посмотрит, кто напряд, а у кого ничего не готово. А кто не напряд время, того йольский кот сожрет.

Вот так.

Джилл торопится, Джилл спешит, а нет-нет да и отвлечется, да и посмотрит на время, которое прядет. Вот, например, мир такой, в нем дома осенью на юг улетают.

Вот так – порх-порх – и улетели.

А там Джек.

Какой Джек?

Да обыкновенный.

В доме своем живет, хороший у него дом, от отца остался.

Вот живет он в доме, а тут бац – и осень, и зима на подходе, пора на юг лететь.

Весь городок маленький в стаю собирается, на юг летит.

– Джилл!

Это хозяйка.

Ух, злющая хозяйка, еще бы не злющая, вот так Джилл не напрядет времени, – что-то хозяйка продавать на базаре будет?

Спыхватывается Джилл.

Прядет время быстро-быстро.

Йоль-то близко, несколько часов до Йоля осталось.

Мало времени у Джилл.

А времени много.

А столько еще нужно времени напрясть.

Нет-нет да и посмотрит Джилл украдкой, что за времена распутывает.

Вот время так время, всем временам время, цветущие парки, золотые дворцы...

А вот страшные времена, черная земля, пеплом засыпанная.

А нет-нет да и посмотрит Джилл на мир, где дома, а там дома – порх! – и улетели.

А вот Джек в свой дом заходит, двери закрывает.

К штурвалу становится.

Дом крыльями взмахивает...

Взмахивает...

Взма...

Смотрит Джилл, а одно крыло у дома на одном-единственном шурупе держится, вот-вот отвалится, вот-вот...

Джилл замирает.

Дом взмывает в небо, летит, подхваченный метелью, летит, подхва...

Падает, беспомощно кувыркается, разлетается в щепки на одиноком утесе...

Джилл вскрикивает.

А тут и хозяйка:

– Джилл!

Гневается хозяйка, да как не гневаться, Джилл, негодница, ничего не делает, сидит, времена смотрит, а кто времена прясть будет?

Мало времени у Джилл.

А времени у Джилл много.

Все уже время свое расплели, и хозяйке несут, и хозяйка каждой девушке обновку дает, так заведено.

А у кого обновки нет, того йольский кот слопает.

Придет йольский кот, чернее самой ночи, ростом с быка, и ленивицу слопает.

Легенда такая.

Ну, конечно, легенда, а вы как думали, где это видано, чтобы по правде явился кот и сожрал.

Хозяйка идет.

Ох, злющая хозяйка, да как ей злющей не быть, Джилл, бездельница, ничего не напряла, у-у-ух, хозяйка этой Джилл устроит...

Смотрит хозяйка.

А Джилл нет.

Вот так.

Совсем нет.

И нитки все путаны-перепутаны, время все перемешано.

И следы на снегу – топ-топ-топ – лапки кошачьи.

Кот.

Йольский.

Спряталась хозяйка, ушла к себе в покои и носа не показывает.

Полночь.

Йоль.

Джилл прислушивается, – что-то случилось, что-то приближается, что-то, что-то...

А вот и он.

Черный, огромный.

Йольский кот.

Фыркает, мурчит чего-то, сладко потягивается.

Смотрит на нити, щурится, глаза у кота желтые, как две луны.

Видит время, смотанное в клубки.

Радуется.

Мурчит.

Хватает клубки, когтями, когтями, когтями, играет, ну, любят коты с клубками играть.

Кот.

Йольский.

Здоровый котяра, ростом с большого быка.

Сердится Джилл, замахивается на кота, да на такого хоть замахивайся, всё без толку.

Играет кот.

Радуется.

Путает время.

Всё-всё время перепутал, уже непонятно, где свое время, где чужое, где какое.

И Джилл сама во времени запуталась.

Мечется Джилл, ищет свое время, да нет, не её это время, время какое-то незнакомое, большие дома машут крыльями, собираются в стаи, хотят лететь на юг...

Джилл оглядывается, торопится к большому дому на окраине:

– Джек! Джек!

Из дома выходит Джек, смотрит на Джилл, не понимает, не узнает...

– Сударыня, вы...

Джилл показывает пальцем:

– Крыло! Крыло!

Джек оборачивается, какое крыло, откуда крыло, а вот оно что, крыло-то на одном шурупе держится, так и улетит...

Джек кидается на крышу дома привинчивать крыло.

Джилл хлопчет, помогает.

Вот и крыло привинтили.

Темнеет уже, первый снег метет.

Джек становится к рулю, командует дому, как отец командовал:

– Полный вперед!

Выверяет курс.

Спохватывается, смотрит на Джилл, гостя же в доме, а он даже чашку кофе не предлагает...

Пятая грань пирамиды

Ару чует звира.

Нет, не так – Ару раздувает широченные ноздри, жадно вытягивает смолистый дух леса, чует звира, горячего звира, пахучего звира, здесь, в каких-то нескольких... нет, не метрах, нет у Ару слова метры, от Ару до метров еще века и века.

Но здесь.

Совсем рядом.

Ару присматривается, причувствывается, да точно ли звир здесь, в этой грани, а то бывает, померещится что-то совсем-совсем рядом, руку протянешь – хоп, а нет ничего, а оказалось – не в этой грани, а в соседней, еще бы понять, в какой грани, да какая разница, в какой, всё не у Ару...

Ару принюхивается, держит нос по студеному зимнему ветру – чует звира.

Где-то там в редких зарослях, за пеленой подступающей метели, за темнотой ночи – звир.

Звир-р-р.

Страшный звир, мохнатый звир, мясистый звир, много шерсти у звира, и мяса много, и клыки у звира большущие, и когти у звира.

Звир-р-р-р.

Ару ступает в снегу, твердый снег, застывший снег, по такому пойдешь – не провалишься, ну да Ару всё равно снего-

ступы надел, мало ли. Ару осторожно ступает по снегу, – сейчас хочется стать невесомым, только чтобы не хрустел под ногами проклятый снег, только чтобы не выдал Ару, да и ветер тоже не шевелился бы, не дул бы в сторону звира, не выдал бы Ару. А то ветер он такой, ветер тайны хранить не умеет, всё-то всё разболтает ветер, разнесет по свету...

Ару снегоступы надел.

И копьё взял.

Куда же без копья-то.

Идет Ару, крадется Ару, принюхивается к потокам ветра, прислушивается к голосу метели, в котором еле-еле пробивается приглушенный хруст, – так ступает массивными лапищами по снегу звир.

Звирр-р-р.

Искрится в свете луны студёный снег.

Ару отгоняет какие-то отголоски каких-то реальностей, «выжили только благодаря тому, что перебили стальные системы...». Сжимает зубы, плохонькие у Ару зубы, не в пример звировым, кто-то так решил, что до двадцати зим у Ару будут зубы, а после каждая зима будет по зубу отбирать, а то и больше. И зимы здесь (Это первая грань, первая грань, если что) долгие, – да какие зимы, лета уже сколько не было, уже и забыли, что такое лето, сплошь тянется зима да зима...

Ничего, Ару продержится, Ару много что умеет, Ару огонь умеет, кремешок о кремешок чиркнет – вот и огонь, и копьё Ару умеет, палку выстрогал, вот и копьё, и зерно Ару

умеет, только какое тут зерно, – снега и снега... было бы так, чтобы под снегом зерно росло в холоде, здорово бы было...

Ару замирает.

Держит нос по ветру.

Нюхает подступающую ночь, сквозь которую пробивается еле различимый запах...

Звир.

Зви-р-р-р.

З.В.И.Р.

А_Р_У спрашивает себя, как расшифровать – З.В.И.Р., ничего не расшифровывается, ничего не понятно, совсем-совсем ничего, фантазия выдает какое-то Западно-Восточное Индустриальное... Интеллектуальное... Искусственное... Нет, не то.

Не то.

А_Р_У замирает.

Настраивает датчики.

Сканирует подступающую ночь, сквозь которую пробивается еле различимый сигнал...

З.В.И.Р.

З.В.И.Р-р-р-р...

Большой З. В. И.Р., сильный З. В. И.Р., стальной З. В. И.Р., мощные гусеницы у З. В. И.Р.а, и броня мощная, и топливо внутри, топливо, топливо, драгоценное топливо...

З.В.И.Р-р-р-р.

А_Р_У сжимает зубы, плохонькие у А_Р_У зубы, радиация каждую зиму по зубу отбирает, а то и больше. И зимы здесь долгие, – да какие зимы, лета уже сколько не было, уже и забыли, что такое лето, сплошь тянется зима да зима...

Ничего, А_Р_У продержится, А_Р_У много что умеет, А_Р_У пушку умеет, и флаер А_Р_У умеет, и много еще что. Хорошо бы еще порталы делать, но чего не дано, того не дано...

А_Р_У балансирует над снегом – твердым снегом, застывшим снегом, по такому пойдешь – не провалишься, ну да А_Р_У всё равно над снегом парит, мало ли.

И пушку взял.

Куда же без пушки-то...

– ...а может быть у пирамиды пять граней?

– Нет, конечно. Откуда там пять граней, пирамида же...

Парит А_Р_У, крадется А_Р_У, ловит едва различимые сигналы, ловит слабые импульсы, в потоке которых едва-едва проклеывается сухое (если что, это третья грань, третья) потрескивание – так прощупывает пустоту, ищет себе дорогу З. В. И.Р.

З.В.И.Р-р-р-р.

А_Р_У ловит сигналы З. В. И.Р.а.

Настраивает антенны, выверяет датчики, ловит сигналы в морозном эфире – сигналы З. В. И.Р. а. Эфир фыркает,

щелкает, давится сам собой, выплевывает что-то непонятное, обрывки каких-то недоудаленных статей из памяти системника,

«Ну, понимаете... наши предки выжили только за счет того, что перебили звиров. И мне сейчас просто смешно слышать вот все эти кликушеские выкрики, что ах, это было негуманно, ах, мы не одни на земле, и надо считаться с братьями нашими меньшими. Так вот, скажу вам сразу – это полная чепуха. Если бы наши предки думали о братьях наших меньших, они бы не выжили. По крайней мере, разумными наши предки точно бы не стали, если бы тратили всю свою жизнь на поиски кореньев и трав.

Я вам более того скажу, если бы люди не перебили звиров, то начало разумной жизни дали бы именно звирь, а не люди. Поэтому в ледниковый период шла борьба не просто за выживание в этом мире, – а за право осознать этот мир, понять его...»

Где-то там, в руинах некогда огромного мегаполиса за пеленой подступающей метели, за темнотой ночи – З.В.И.Р.

З.В.И.Р-р-р-р.

Ару прислушивается, старается не дышать, не выдать себя, да как не выдать, поднимается из носа белый пар, живой Ару, никуда не денешься – живой...

Хруст...

...померещилось...

...нет, не...

...хруст.

Звир.

Вот он, звир, большой звир, грузный звир, полосатый звир, с воо-о-от такенными клычищами, сверкают у звира желтые глаза, две полные луны, падает мутная слюна на студеный снег.

Ару вжимается в снег, снег больно обжигает ладони, Ару не чувствует боли, боль придет потом, потом, когда вернется Ару в теплую нору. Здесь, главное, не впасть в забытье, не уснуть, а то закружит метель, заморозит мысли студеный снег, нахлынут фантомы, фантомы, фантомы, вон они уже окружают, наваливаются на ослабевшее сознание, видятся какие-то грани, а это еще что, а это новенькое что-то, там, в тумане, по ту сторону граней, звир, и в то же время не звир, другое что-то, закованное в стальную броню, а верхом на звире Ару, нет, не Ару, Ару и в то же время не Ару, ведет звира, или звир ведет Ару, отсюда непонятно, почему ведет, почему не убивает, тоже не понятно, почему солнце светит и греет, тоже непонятно, одно Ару чувствует – там хорошо, еще не понимает толком, почему – но хорошо...

– А может быть у пирамиды пять граней?

– Может.

– Да как может, пирамида же.

– Ну, это в трех измерениях не может, вы на неё в трех измерениях смотрите...

– А в скольких надо?

– Ну, хотя бы в четырех, там побольше граней будет...

Ару встряхивается.

Сгоняет с себя оцепенение, – не возьмет, не возьмет Ару зима, не возьмет...

И звир Ару не возьмет.

Звир-р-р-р.

Ару примеривается, хочет бросить копьё, да как тут бросить, не слушаются руки Ару, долгие недели впроголодь сделали свое дело, не слушаются руки Ару, не хотят пустить меткое копьё...

Оборачивается звир.

Звир-р-р.

Фыркает, урчит – звир-р-р-р, пар клубится, белый, белый пар, падает горячая слюна на студёный снег...

Прыг.

Это звир.

Мохнатая громадина рушится на Ару, Ару вонзает копьё в разгоряченное звирово горло, – хлещет бешеным потоком мутное, красное, горячее, исполинская туша мертвого звира грохается в снег...

Звир вонзает мощные клыки в хрустящее горло, (а это, кстати, четвертая грань) рвет живую плоть, с урчанием, с глухим ревом – рвет, перекусывает хребет, тащить прочь обмякшее тело врага...

...грохается в снег исполинская стальная махина, трещат оголенные провода, тут же беспомощно гаснут.

A_P_U отключает сигналы, отключиться бы полностью, обесточиться, перестать быть, да как тут перестанешь, надо быть начеку, а начеку, значит, нельзя выключаться, нельзя...

Сигнал...

...нет, помеха...

...нет, не...

...сигнал.

A_P_U расшифровывает сигнал, сравнивает частоты, понимает —

З.В.И.Р.

Вот он, на горизонте, массивный, в несколько тонн, стальной, серебристо-белый, с огромным ковшом, с огромными пушками, сверкают фары, стекает мутное масло на еще белый снег.

(это вторая грань. Не перепутайте)

A_P_U примеривается, хочет рассечь лазером корпус врага — да как тут рассечь, прицел барахлит, прицел не слушается, всё старое, всё менять надо, не хочет пушка выпустить лазерный луч...

З.В.И.Р. ловит сигнал A_P_U.

З.В.И.Р-р-р-р.

Настраивается на волны A_P_U, поворачивает башню, клубится чуть заметный пар, стекают черные потоки масла на студеный снег...

Переход.

Портал.

Это З. В. И.Р.

З.В.И.Р-р-р-р.

Много чего умеет З. В. И.Р., и в порталы ходить, и будущее просчитывать и много еще чего.

Стальная громадина рушится на А_Р_У, А_Р_У уворачивается – в последние доли секунды, чует каким-то неведомым чутьем, когда нужно увернуться, чует еще до того, как успел понять, что вообще происходит...

Два темных силуэта чернее самой ночи взмывают в воздух над мертвенно-белым снегом. З.В.И.Р. чует А_Р_У, не по А_Р_Увскому, по-своему, по З. В. И.Р.ову чует, З.В.И.Р. по А_Р_Увскому чують не умеет, у него человеческой чуюлки нет...

Взмывают в воздух два черных силуэта, А_Р_У чует З. В. И.Р.А, не по З. В. И.Р.овскому, по-своему, по А_Р_Увскому чует, А_Р_У по З. В. И.Р.овому чують не умеет, у него машинной чуюлки нет...

Звирово чутье хочет перемешаться с чутьем человеческим, хочет перемешаться – не перемешивается, где это видано, чтобы звирово с человеческим перемешалось...

КОННЕКТ

Ничего не происходит.

КОННЕКТ

Снова ничего не происходит.

КОННЕКТ. КОННЕКТ. КОННЕКТ

И опять ничего не происходит. З.В.И.Р. посылает сигналы самому себе, сам себя не слушается, еще бы – с кем тут коннект, вокруг и нет никого...

A_P_U читает что-то в сигналах З. В. И.Р.а – коннект, коннект – тут же отгоняет от себя чужие сигналы.

A_P_U режет стальную броню умирающим лазером, – снег чернеет от масла, поверженная стальная громадина грохается в снег...

...хлещет бешеным потоком мутное, красное, горячее, A_P_U успевает понять каким-то неведомым чутьем (мозг уже умирает), – что это его кровь...

З.В.И.Р. смотрит на поверженного врага...

ОЦЕНИТЬ СТЕПЕНЬ ПОВРЕЖДЕНИЯ
ВОССТАНОВЛЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ
СОХРАНИТЬ ХОД БИТВЫ?

НЕТ

ОЦЕНИТЬ ОБЪЕКТ

ОРУЖИЕ

МОРАЛЬНО УСТАРЕВШИЕ МОДЕЛИ

НАВИГАТОР

ДЕЙСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ

ОТЦЕПИТЬ НАВИГАТОР

(это четвертая грань).

– ...вы мертвы.

– А?

– Вы мертвы.

Это А_Р_У уже и сам понимает, что мертв, что в этой грани реальности ему не повезло, не хватило каких-то долей секунды, каких-то миллиметров, чтобы увернуться...

– Вы мертвы.

А_Р_У осторожно спрашивает, а можно ли его по-быстрому в ту реальность, где он, А_Р_У, рассек лазером стальную броню...

– Нет, вы не поняли. Вы совсем мертвы.

А_Р_У осторожно спрашивает, что значит, совсем мертв.

Ему осторожно отвечают:

– Значит... значит, вас не было никогда.

А_Р_У пытается возразить, как не было, почему не было, был же, еще как был, выслеживал З. В. И.Р.а в мертвом городе, целился плохоньким лазером...

Ему снова отвечают – вежливо, осторожно, боятся обидеть:

– Вас не было.

И бережно-бережно втолковывают, что чтобы был последний А_Р_У, надо, чтобы был первый Ару, который переживет многолетнюю зиму, распашет поле, бросит зерно в землю, сделает колесо из срубленного дерева, поднимется в небо на первых неумелых крыльях...

А ничего не было.

Ни-че-го.

Потому что.

Не было.

Смотрят в одну реальность, там мертвый Ару и убитый звир, смотрят в другую реальность, там мертвый звир и убитый Ару, отчаянно ищут хоть какую-нибудь реальностишку, реальностишечку, где А_Р_У есть – нет, ничего нет.

Граней-то всего четыре.

Одна, две, три, четыре.

Пирамида же.

А_Р_У умирает окончательно, вернее, не умирает, он же не жил никогда, – в последнем проблеске сознания, которого нет, вспоминает:

Коннект.

(это пятая грань, если кто не знает)

Пятая...

Пятая грань...

Ару стряхивает с себя мимолетное оцепенение, выгоняет из памяти какой-то коннект, какая-то пятая грань, откуда всё это...

Ару замирает.

Держит нос по ветру.

Нюхает подступающую ночь, сквозь которую пробивается еле различимый запах...

Звир.

Зви-р-р-р.

Ару настораживается

В последнем проблеске воспоминания чертит на снегу —

КОННЕКТ.

Ару смотрит на снег.

Звир смотрит на снег.

Читают.

Коннект.

– А может быть у пирамиды пять граней?

– Может, конечно, вы на неё в скольких измерениях смотрите?

– А вот что там в пятой грани виднеется, то ли Ару, то ли не Ару, верхом то ли на звире, то ли не на звире... И друг друга не убивают...

– А вот этого никто не знает толком...

Потерянный портал

– А там Супер-Бот из-за поворота ка-а-ак выскочит, а Мега Бой от него убежал, а там еще люди были, Супер-Бот их сожрать хотел, он людей ест, а Мега Бой людей спас, всех спас, он всегда всех спасает... А Супер-Бот за ним ка-а-к погнался, а Супер Бот быстрее бегают, он вообще сильный, а Мега Бой от него убежал... как убежал? Да через портал, как, а Мега Бой всегда через порталы бегают, он р-раз – портал открыл, и хоп, только что в Звездном Городе был, и уже на Марсе, а там горы воо-о-т такие, а там еще у Мега Боя база секретная... А Супер Бот за ним, а он тоже порталы делать умеет, он р-р-аз – и портал, и за Мега Боем, а Мега Бой новый портал открыл, за край Вселенной, и туда, а Супер-Бот на край Вселенной не может... а потому, что я так придумал, вот... А Мега-Бой звезду нашел, и туда людей поселил, которых спас... а, да, не звезду, планету, на звездах не живут, знаю я, знаю... А вот, он там планету нашел, а там небо зеленое, а солнце синее, а он там людей поселил... а потом открыл портал... ой, нет, не открыл... А почему он портал не открыл? Ма-а-ам!

– Сейчас, сейчас приедем....

– Ну, ма-а-ам!

– Да не мамкай! Приедем сейчас!

– Не, мам, а почему у меня портал не открылся?

– Ма!

– Ну что опять такое?

– А я понял, почему портал не открылся... а его там не было. Мам, а почему портала не было?

Да.

Вот почему?

Вот вам и предстоит разобраться.

А вы как хотели, думали, просто отдохнуть, книжку почитать? А вот не выйдет ничего, придется потрудиться, не без этого. Это раньше герои в книжках все сами делали, читатель только читал, а теперь не так, теперь читатели сами помогать будут. Видите же, мальчик фантазировал, в фантазиях у него портал не раскрылся, кто-то портал украл, понимаете?

Портал найти надо.

Ну не знаю, как. Можете объявление повесить, пропал портал, нашедшему вознаграждение.

Можете сами поискать. Нет, свидетелей нет. Нет, мальчик сам не знает, как такое случилось. А портал надо найти, портал, это дело серьезное, может, его террористы какие-нибудь украли, что-нибудь плохое сделают, мало ли...

Что делать, ищите...

Здравствуйте... можно? Да-да, я к вам обращаюсь. Разрешите, я войду? Нет-нет, я не злой. Нет, я не причиню вам

вреда. Нет, спасибо, я чай не пью. Я прячусь. Меня ищут, да. Нет, не бойтесь, я ничего плохого не натворил. А? почему ищут? Ну... как вам сказать-то... Я от мальчика одного сбежал. Нет, я не игрушка. В том-то и дело, что я никакая не игрушка. А там вон уже повсюду объявления расклеили, разыскивается, разыскивается... А я не хочу разыскиваться, понимаете? Ну вы сами подумайте, кто я? Один из тысячи... Один из миллиона... Мальчик уже и думать про меня забыл, что ему до меня, ему вон, игру новую купили, там машинки ездят, лампочками мигают...

Вот что, а вы можете что-нибудь про меня придумать? Ну как не можете, все люди что-нибудь придумывают, мало ли... Чтобы для меня одного. Ну ладно, пусть там будут люди, я им помогать буду. Нет-нет, честное слово, никому не буду мешать, только помогать.

Так вы придумаете что-нибудь? Мне много не надо, мне хоть рассказ коротенький, я даже на миниатюру согласен.

А?

А, ну да, я же не представился. Я портал. Слышали, наверное? Нет, не порт и не портик, а портал, а то бывает, как увидят меня, так и начинается – портик, это же из архитектуры что-то?

А, вы знаете, что такое портал?

Отлично.

Так вот.

Я портал.

А? Что такое, я не ослышался – ВЫ меня ищите? Вот черт...

Ну и в чем дело?

В чем дело, я вас спрашиваю?

Да-да, к вам обращаюсь, вы с какой радости его упустили, а? Вам сказано было его найти, а вы что? Он к вам сам домой пришел, так нет чтобы схватить его, а вы упустили... что зпнци, не знали, что быстро бегаает, это же портал, н что, стоять и ждать будет, когда вы его схватите?

Ищите, что делать... Только искать...

...он переступил порог таверны, и его окружила морозная колючая тьма: одинокий фонарь на крыльце еле-еле освещал заснеженный двор, а дальше расстилалась бесконечная темная пустошь, на горизонте которой темнел не видимый сейчас лес. Снег поскрипывал под ногами путника, когда тот шел к темной чаще, а когда небо спряталось за верхушками сосен, даже сам снег притих, будто испугался чего-то.

Подняться на Мертвую гору оказалось труднее, чем он думал – годы брали свое, да и тропинка заросла молодыми деревцами. Когда он добрался до вершины, время подошло к полуночи, и Большая Медведица равнодушно смотрела с высоты небес.

Он ждал.

Здесь, на вершине, было еще холоднее, чем в деревушке –

но он, казалось, не чувствовал холода. Все его чутье было настроено на то, что должно было произойти здесь, сейчас, еще не сию минуту, но вот-вот...

Что-то должно было произойти.

Сначала казалось, что ничего не изменилось – та же заснеженная опушка, та же студеное небо над головой, та же непроглядная чернота вокруг – но звериное чутье путника уловило едва заметную перемену в темноте ночи – и понял, что чудо произошло. Теперь оставалось только ждать.

И он ждал. Прошли годы бесконечных поисков, тяжелой борьбы, горьких потерь и разочарований – он наконец-то обрел то, что тщетно пытался вернуть все эти годы. Он помнил этот путь, эту заснеженную вершину, этот горьковатый привкус – еще с бесконечно далекого детства.

Полночь преобразалась – сначала незаметно, потом все быстрее, сильнее, победнее – вот уже в черной пустоте ночи появилось невидимое окно, еще закрытое, еще само не понимающее, кто оно и что оно.

Мир вздрогнул – окно начало медленно-медленно раскрываться, – оттуда дохнуло холодом холоднее самой ночи, но это не остановило путника. Он терпеливо дождался, когда окно открылось на три четверти – и проскользнул в колючую зыбкую темноту. Странник знал, что они охраняют портал только в тот момент, когда...

...портал.

Да, портал.

Тот самый.

Вы же никому не скажете, верно?

Шаг-Шах

Шаг.

Клетка влево по диагонали.

Шаг.

Клетка вправо по диагонали.

Взгляд.

Вайт.

(есть блек, есть вайт)

Вайт.

Враг.

Взмах.

Смерть.

Голова врага катится по клеткам, отрубленная саблей.

Прыг – через тело врага.

Шаг.

Клетка влево.

Шаг.

Клетка вправо.

Конь.

Вайт.

Враг.

Взмах.

Падает белый всадник с белым конем, разрубленный пополам.

Шаг. Шаг.

Тура.

Вайт.

(Враг).

Взмах – черные пальчики подносят к туре зажженный факел.

Ф-х-х-р-р-р-р.

Вспыхивает зажженная тура.

Выскакивают из башни обожженные воины.

Взмах, взмах, взмах.

Падают, разрубленные саблей.

Шаг.

Шаг.

Шах...

Шах?

Шах.

Вайт: враг: вождь.

Шах.

Взмах.

Черная пешка не видит белого ферзя сзади, падает с отрубленной головой.

А вот скажите, а что за игра такая, где не две крепости, черная и белая, а много-много крепостей? Нет, не три и не четыре – это я знаю, есть такие – а вообще много-много, вот так рядами, рядами идут, а между ними узкие проходы,

арки всякие. Вот это вот что? Я отродясь таких крепостей не видел, по мне крепость, она крепость и есть, узкие окошки, узкие бойницы, а тут вообще не пойми, что – окна большие, широкие, с разноцветными стеклышками...

А как тут ходить, вы мне можете объяснить? Нет, старая схема не работает, что можно на клетку влево или вправо шагнуть, тут как-то по-другому ходят. А вот есть полоса такая, по ней повозки катятся, а я к полосе подошел, а мне сказали – стой, а потом сказали – иди, а это что за правила такие?

Нет, а вы мне можете объяснить, а как играть? Вот есть черные, есть белые, это я знаю, а когда красные, это что? А синие? А зеленые? А которые совсем пестрые, это как? Они что, и за тех, и за других, и за третьих? Я им сказал, что так нельзя, они отмахнулись, будто я что-то неприличное сказал...

Черная крепость.

(Еле-еле нашел черную крепость среди пестрых крепостей)

Шаг.

Шаг.

Шаг.

Дверь.

– Я к вам.

– День добрый. Проходите, присаживайтесь. А что вы

умеете?

Взмах.

Осколки.

– М-м-м... а еще?

– Всё...

– И это всё?

– А кто наш враг?

– Простите?

– Кто наш враг?

А вы мне объясните, а мы против кого играем? А то тут и белые, и красные, и зеленые...

...арестован за хулиганские действия, когда разбивал кирпичами стекла в Белокаменном Музее...

Война.

Трубачи играют сбор.

Пехота.

Шаг-шаг-шаг-шаг-шаг.

Кони.

Цок-цок-цок-цок-цок.

Слоны.

Туп-туп-туп-туп-туп-туп-туп.

Туры.

Шр-р-р-р-р-ш-ш-ш-ш.

...поле представляет собой 64 клетки, поочередно раскрашенные белым и черным. На поле расставляются 64 фигуры в следующем порядке...

Шаг.

Шаг.

Шаг.

(Шах?)

Взмах.

Враг.

Блек.

Вайт.

Слон.

Конь.

Шаг.

Шаг.

(Шах?)

Взмах.

Взмах.

Ферзь.

Взмах.

Блек.

Вайт.

Враг.

Смерть.

Смерть.

Смерть...

Фигуры в игре:

Архитектор.

Ученый.

Строитель.

Продавец.

Булочник.

Зодчий.

Инженер.

Нет, не то, не то, все не то, слишком много фигур, а ведь есть еще слесарь, токарь, летчик, артист, врач...

Башни:

Белая с красным.

Бежевая башня с каштановыми окнами и крышей.

Розовая башня с красными крышами.

Башня, один угол которой...

...тьфу ты, черт, много, много, слишком много...

– ...ну вот, вы пекарем работали, там-то вам что не понравилось?

– Не... не понимаю я этого...

– Ну что ж вы хотели, это же учиться надо...

– Давай помогу...

Она белая.

Но говорит:

– Давай помогу.

Белая.

– Вот, смотри... это вот перспектива...

Под её рукой на листке бумаги появляются из ниоткуда очертания дома.

– Я так не могу.

– Вот... три оси...

Вырисовываю оси.

Белая хлопает в ладоши:

– Получилось! Получилось!

Белая.

Чужая.

Враг.

И в то же время не враг.

Не понимаю.

Что-то происходит, я чувствую, что знаю правила, никто мне их не рассказывал – а я знаю. Обнимаю белую, прижимаюсь к ней губами...

...отталкивает.

– Ты... ты что?

Краснеет. Думаю, белая она или красная.

Сложно.

Слишком сложно.

Великие солдаты!

Достойные сыны отечества!

Вас обманули!

Вас жестоко обманули!

Вам подсунули игру, правил которой никто не знает!

Я поведу вас в величайшую игру всех времен и народов...

Шаг.

Шаг.

Шаг.

Шаг.

Шах?

Нет, еще не шах.

Конь.

Цок.

Слон.

Топ.

Взмах.

Взмах.

Смерть.

Смерть.

Блек.

Вайт.

Пиф.

Паф.

Взрыв.

Взрыв.

Ферзь.

Враг.

Шах?

Мат?

Смерть.

Смерть.

Смерть.

...вспоминаю, что когда-то играл в игру.

Странную игру.

Там были башни, много башен, и не вдалеке друг от друга, а все рядом, и узкие проходы между ними, и открытые повозки, и перспектива, и непонятные фигуры – архитектор, зодчий, врач, учитель, – и...

...белая.

Оглядываю безжизненное поле боя, мертвый пепел, отчаянно вспоминаю, где была та игра...

Кажется, там...

...там, где восходит солнце...

Крепости.

Крепости.

Крепости.

Белые, черные, красные, зеленые, синие, желтые, бежевые с каштановым, красные с белым, белые с синими крышами...

Жду игроков.

Никого нет.

Жду, кто придет со мной играть в эту игру.

А никого нет.

Может, поиграете со мной, кто остался, а?

...никого нет.

Подбираю с мостовой причудливый предмет, изогнутый деревянный ящик, вроде пустой, он не открывается, нет, на него натянуты тонкие нити. Рядом лежит лук с тетивой, первыц раз вижу такой лук, прямой, не изогнутый, как из такого стрелять... или не стрелять, тут другое что-то...

...другое...

...какие-то правила, которых я не знаю...

Пат.

Эрки

– Сейчас эрки будем делать.

Настораживаюсь, прислушиваюсь, не понимаю. Арки? Арки так арки, что прикажете, то и сделаю. Нет, не арки, похоже, что-то другое... Норки? Дырки? Непонятно.

Хочу переспросить, не переспрашиваю, почему я не переспрашиваю, почему боюсь признаться, что не понял, вот всегда так, училка тараторит что-то, потом ка-а-ак гаркнет, а ну па-а-а-а-втори, и чего я повторять должен...

Пошли.

Смотрю на Фрола, вроде ничего Фрол, ну да все они поначалу вроде ничего, это всегда так, сначала друг друга неосторожным словом обидеть бояться, потом разругаются вдрызг...

Идем. Идем в поле, над которым застыл обглоданный месяц, как-то криво висит, хочется взять пару гвоздиков, приколотить получше...

– Ну вот, смотри... эрки будем делать.

Киваю. Эрки так эрки.

– Ты чего, не понял? – Фрол прищуривается, рыжий, глаза зеленые, – эрки будем делать.

– Ага.

– Чего «ага», хоть знаешь, что такое?

– М-м-м... нет.

– А чего не спрашиваешь тогда, раз нет?

– Ну... как-то...

– Вот тебе и «как-то», все вы такие... строите из себя невесть что... Букву Эр знаешь?

Вздрагиваю. Издевается, что ли, видит же, что картавлю...

Не подаю вида:

– Знаю, как не знать...

– Вот молодец... а откуда она берется, знаешь?

– Ну как, откуда... на кнопку нажимаем, появляется...

– Где нажимаем?

– Ну... в компе... в телефоне...

– А кто её кладет в комп, в телефон, ты хоть раз подумал?

Смотрю на Фрота, прищуривает зеленые глаза, издевается, что ли...

– Seriously?

– Куда уж серьезнее... ну пошли, эрки-то у людей в компах кончаются, сегодня много наделать надо...

Фрол поднимается на холм, оглядывается, будто ищет что-то, а откуда палка у него в руках, только что не было палки, а вот, палка, антенна, что ли, какая-то отломанная, отсюда не вижу. Хочу идти за ним, Фрол делает мне знак, стой, где стоишь, неужели непонятно, все-то вас учить надо...

Стою.

Смотрю.

Как Фрол прикладывает к серпику месяца палку, чтобы получилась буква Р.

– Видно?

Голос Фрола с холма.

Киваю, ору:

– Видно!

– Вот и славненько...

Мой напарник снимает с неба готовую букву, аккуратно кладет в ящик, кажется, даже заворачивает во что-то, отсюда не вижу, во что.

Снова прикладывает палку.

Снова.

Снова.

Снова.

– Ну, давай теперь ты!

Спешу на холм, перехватываю у Фрола палку, отсюда вижу, и правда, антенна, хочу приложить, Фрол одергивает меня – погоди, погоди, – не сразу понимаю, что палку надо установить так, чтобы с подножья холма казалось, будто буква стоит на земле.

– Подцепляй!

Хватаю новоявленную букву, неожиданно тяжелую, заворачиваю в салфетку, только бы не уронить, только бы не разбить, почему-то мне кажется, что они бьются – складываю в ящик.

Фрол поднимает вверх два больших пальца.

Понимаю, что у меня получилось.

Как-то слишком просто.

Слишком...

– А я что вам сделаю? А я что сделаю, вас спрашиваю?

Это Фрол. Злой, взъерошенный, орет в трубку – а я что, а я что сделаю, – оттуда тоже что-то орут, типа умри, а сделай, и что-то подсказывает мне, что победа будет за Фролом, потому что...

...потому что небо тучами заволочло, вот почему.

И поэтому не будет никакого месяца, вот почему.

Смотрю на штабеля букв, сегодня их будут отправлять, а их не хватает, ну, если звонят и ругаются, значит, не хватает, хватало бы, не ругались бы. Прохожу мимо календаря, настораживаюсь, что-то тут не так, что-то, что-то, понять бы еще, что, а, ну да...

Само срывается с губ:

– Полнолуние!

– Знаю.

– Да что знаю, не понял, что ли – полнолуние!

– Да понял, понял, не первый день на свете живу!

– Да нет, ты не понял... какая буква Эр из полнолуния, это же...

Фрол оборачивается ко мне, фыркает, чуть не роняет массивный ящик:

– Ты вообще отморозенный или как?

– А что?

– А то! Ничего, что другие буквы тоже бывают?

Хлопаю себя по лбу:

– О! Ну, конечно же, О!

– Вт-вт... ты хть представляешь, скльк этих нужн, мне там на складе бшку трвут, а я им чег сделаю, чег сделаю, я спрашиваю? Всё тучами затянул на хрен, ткуда я им эту дстану? Вт уже нету... пять жалбу на нас накатают... А чег сделаю, чег сделаю, я спрашиваю...

– Спхватываюсь:

– А... а если взрывм разгнать?

– У тебя чег, в гараже бмба припрятана или пхлеще чт?

– Ну... ппрсить кг...

– Кт ж тебе чег сделает...

Уже хчу тступить, не тступаю, чт-т еще, чт-т, чт-т, чт-т...

А.

Ну да.

Хлпаю себя п лбу:

– А билеты на нчнй рейс купить не судьба?

– И как ты их через стекл лвить будешь, как лвить будешь, я тебя спрашиваю?

– А... нельзя?

– Нельзя, кнечн, как же ты их возьмешь-т? Т-т же... умник хренв... ну псиди верхм на самлете, на крыле, псмтрим, чт т тебя станется...

тступаю в глубину склада, налетаю на чт-т, в темнте не пнять, на чт, чт-т с грхтм разбивается, хрш, Фрл не слышит и не видит, а т бы и я сейчас разбился, ну да ладн, эрк

у нас достаточн, букв Р, в смысле, дним ящикм больше, дним меньше, не убудет...

– Пошли эски ловить.

Киваю, эски, так эски. Догадываюсь:

– Тут все проще, тут и палки не надо...

– Проще? – Фрол смеется, дерзко, залиvisto, – ну-ну...

проще ему...

Думаю, в чем подвох, понимаю, что в жизни не догадаюсь, иду за Фролом, посмотрим, что он покажет...

– Ну вот, смотри... колодец видишь?

Смотрю на каменный колодец, в котором плещется убывающий месяц.

– Ведром черпать будем?

– Ведром, говоришь? Ну-ну, попробуй...

Пробую. Уже ожидаю какого-нибудь подвоха, но как всегда все превосходит мои ожидания. Луна выскальзывает из ведра юркой рыбкой, снова плюхается в воду.

Черт...

– И... как её?

– А подумать, не?

– М-м-м... приманить чем-нибудь?

– Ну, попробуй.

Вспоминаю, что в пакете с собой есть хлеб, тут же гоню от себя эту мысль, луна же все-таки, не рыба, да и не всякую рыбу хлебом приманишь, я у тетки так золотых рыбок по-

правил, меня самого потом чуть не убили...

В голову не приходит ничего путного, вспоминаю какой-то мультик, где луну ловили на одуванчик, нет, не то, не то...

Поднимаю руки:

– Сдаюсь.

– Ну-ну... ловец... неужели не догадался...

Фрол отламывает еловую ветку, окунает в черную ночную воду, ветка исчезает.

Жду.

Грохот обвала на горизонте.

Хочу спросить – это еще что – не успеваю, Фрол показывает мне снова появившуюся ветку, а в левой руке у моего напарника пойманный месяц.

Мотаю головой:

Не понял.

– Так и знал, что не поймешь... ель-сель, не дошло?

Начинает доходить, понимаю, что мне еще учиться и учиться у Фрола.

– Ничего... Я тоже такой был, вообще думал, издеваются надо мной... давай теперь ты...

Окунаю в воду еловую ветку...

– ...летать не боишься?

Летать... настораживаюсь, живо представляю себе, как расправляем внезапно выросшие крылья, парим в небе.

– Да не на крыльях, балда! На самолете, что непонятно-то...

– А ты откуда знаешь...

– Да будто не знаю, что подумал, все вот так, как скажешь – летать, так и вообразят не пойми что...

– Это куда?

– На Ролаш.

– Это где?

– На экваторе, балда...

Даже не спрашиваю, зачем нам экватор, нужен, значит, нужен.

Плещется океан.

Топорщатся пальмы.

Тихонько думаю про себя, что не такая уж у нас плохая работа, кто-то сейчас захлебывается от зависти...

– Щас ты от зависти будешь захлебываться к тем, кто в офисе сидит.

Смотрю на Фрола, понимаю, что он не преувеличивает, что сейчас начнётся такое, от чего я на стену полезу, только нет здесь стен на берегу...

Луна.

Здесь.

Над водой.

Полукруглая арка, будто ведущая в другие измерения.

Фрол прыгает в волны, рассекает серебристую гладь оке-

ана, быстро приближается к луне, хватая арку...

– ...на вот, держи...

Держу арку, непривычно тяжелую и горячую, только бы не упустить, не уронить, а то сбежит, или разобьется, или еще что...

– Теперь ты давай... плавать-то умеешь или врал в резюме?

– Ничего не врал...

– Ты смотри, в арку залезть не вздумай...

– А чего будет?

– Ничего хорошего не будет.

Фрол отмахивается, понимаю, что он и сам не знает, что будет, но явно ничего хорошего, Фролу лучше верить...

Море обнимает со всех сторон.

Арка не отрывается от неба, уже думаю, делаю что-то не так, Фрол орет с берега, сильнее, сильнее дергай, чего она тебе, хрустальная, что ли...

Дергаю сильнее, арка падает, больно бьет по лбу. Смотрю на новую арку, которая тут же появилась вместо оторванной, понимаю, что плавать мне за этими арками всю ночь. Хочу схватить сразу две, да что значит, хочу, хватаю, плыву назад, арки тянут ко дну, больно бьют по голове, мир умирает...

– ...очнулся?

Выплываю океан, набившийся в легкие.

– У тебя мозги каким концом в какое место вставлены во-

обще?

Смотрю на Фрола, понимаю, что даже нет сил ответить.

– Хорош ловец, ничего не скажешь... Ты видел, чтобы я по две арки хватал? Видел?

– Н-нет...

– Вот то-то же... я чуть сам не сдох, пока тебя вытаскивал... думал, ты уже все...

Молчу.

– Ничего, лиха беда начало... Мы с тобой еще луну ловить будем, когда она лодочкой встанет... выучишься...

– А это что за буква? Которая, арка?

– Да какая хочешь, хочешь, эл, хочешь, пэ...

– А лодочка?

– А это Вэ английское. Или ты думал, мы только кириллицу обслуживаем? Да и много где всякие буквы есть...

– ...здоровье-то как, ничего? Или тоже врал в резюме?

– Да не жалуюсь...

– Ничего, скоро начнешь...

– Чего начну?

– Жаловаться начнешь, чего...

А что такое?

Машина останавливается, смотрю на серебристую стрелу ракеты на горизонте, еще не верю себе...

...давление пытается расплющить, не может, злится, силится выдавить все внутренности – потом отпускает, резко,

стремительно, безжалостно, тело отчаянно пытается понять, где верх, где низ, не может...

Осторожно спрашиваю:

– И как часто нам так... придется?

– Да не придется... обычно вездеходы делают... а сегодня сдохли вездеходы, понимаешь?

Не понимаю. Но киваю, сдохли, так сдохли.

– Чш-ш-ш, стой, куд-да тебя понесло, распрыгался мне тут! Улететь на хрен хочешь? Один так бошку разбил уже...

Не прыгаю. Осторожно иду по чужой земле, Фрол говорил, что за земля, уже не помню. На горизонте виднеется умерший вездеход, направляюсь к нему, Фрол меня одергивает, стой, куд-да, да оставь ты его, вон, туда смотри...

Смотрю туда.

Вспоминаю какие-то шутки, что если на небе две луны, то пить уже достаточно.

Нет, не луны.

Месяца.

Тоненькие полумесяцы застыли над неровным горизонтом.

Выжидаем.

Месяцы опускаются – оба, разом, на синий песок – понимаю, что их нужно взять оба, разом, вместе, вот они и взялись вместе, приросли друг к другу...

Спрашиваю:

– А это что за буква?

– Эх ты, английский не учил, что ли?

– Даблю?

– Ну... ты не бойся, обычно-то вездеходы ловят, говорю же, сломались все, а как без даблю... международный скандал будет...

– ...ничего... я тоже раньше не понимал ничего... потом как-то приспособился...

Киваю. Расставляю коробки, как Фрол велел.

– Я вообще в первый раз пришел, ящик эрок разбил, думал, мне самому башку разобьют... ничего, обошлось... у них этих эрок как грязи...

Киваю. Чувствую, как отлегло от сердца, хочу признаться Фролу про еще один разбитый ящик, не признаюсь, не успеваю...

– А это еще что такое?

Фрол смотрит на разбитый ящик, глаза бешеные, что такое, что такое, сам только что говорил, эрок как грязи, или не эрки там, да какая разница, чего, всего, как грязи, даблю и то вездеходы наловят, даром, что такое раз в десять лет бывает, чтобы два месяца над горизонтом застыли...

– Твоя работа?

– Ну... случайно...

– Еще бы ты нарочно это сделал... чучело гороховое... и как теперь возмещать будешь? Как возмещать будешь, я спрашиваю?

Меня передергивает.

– И наловлю, и что... чего там было...

– Ах, наловишь? Наловишь, говоришь? Ну, пожалуйста, поди, налови, я что, не разрешаю, что ли?

Фрол распахивает разбитый ящик, пинает обломки мне под ноги, пытаюсь понять, что я вижу, спохватываюсь, вижу искореженные буквы Ф.

– Давай, давай... ты хоть знаешь, где их делают, а?

– М-м-м... – пытаюсь представить себе, понимаю, что не могу.

– На какой планете?

– Да на какой, к черту, на планете, ты хоть знаешь, в каких мирах это делают? Иди... ищи...

– А напарник ваш где?

– А... его, разве, вчера не было? Он же в ту смену, вроде...

– В какую в ту, в эту, его уже месяц на работе нет!

– Э...

– ...и дома не появлялся.

– Так может, это...

– Чего, может, это, в последний раз на связь выходил, говорил – ушел на задание... это вы на какое такое задание его послали?

– Да не на какое я его не по... стойте-стойте...

Рол спохватывается, только сейчас понимает, на какое задание, нда-а-а, оказалось, совсем мозгов у новичка нет, это ж

надо же было, додумался, пошел буквы искать...

Рол. Ну да, уже Рол, эфок-то так и не подвезли.

Рол смотрит на серебристую гладь моря.

На арку вдалеке.

Прыгает – волны расступаются, море обнимает со всех сторон.

Арка приближается.

Рл ныряет в арку, плывет в...

...неведмм?

...чужм?

...параллельнм?

...мире.

Где-т тут джен быть Ег, имя у нег пдиннее будет, н стась
тьк – Ег.

Р гядывает незнакомую всеенную, считает запас Р, скък
времени придет, прежде чем р свсем исчезнет...

Конь-Драконь

Конь-драконь оборачивается в последний раз.

Смотрит на дерево, которое было его домом, да больше чем домом, дерево было для него всем, его опорой, его защитой, самой жизнью.

Он оборачивается.

Замирает.

Как будто может вернуться.

Старое дерево шумит листьями, собратья коня-драконя шелестят, зовут назад, назад, домой, как будто еще не поздно вернуться...

Конь-драконь вздрагивает – а может, правда, еще не поздно, а может, еще можно вернуться, еще...

...отворачивается.

Скачет вперед – во весь опор.

...стоп-стоп, какой конь-драконь, это еще что за конь-драконь, какой конь-драконь, уж или конь или драконь, да не драконь, а дракон, вообще нет такого зверя – драконь...

А-а-а, вот оно что...

А Лешик в детстве с самосвалом играл.

Ну, самосвал у Лешика пластмассовый был, он им по земле водил, вж-ж-ж, и песок насыпал. А потом ручку дернет,

и р-раз – песок высыпается.

А теперь на большом экскаваторе ездит.

Песок насыпает.

А потом за ручку – р-раз! – песок и высыпался.

А у Дианки домик был.

Розовый такой.

Для Барби.

А у Дианки еще машина была для Барби и пони, и гардероб там, в домике был, мама Дианке каждый день новый наряд для Барби покупала.

А теперь Дианке муж каждый день наряд покупает.

И домик у Дианки есть.

И машина.

Дианка еще одну попросила, ну сильно ей Бугатти на выставке понравился, а муж раскудахтался, аа-а-а-а, денег нет, это у него-то денег нет, пусть не врет...

А у меня в детстве конь был.

Вот кто сейчас деревянную лошадку на палочке представил, вот и близко не то. И кто лошадку на колесиках представил, тоже мимо.

Чего?

Живая, говорите?

Нет, и не живая.

А у меня конь-драконь был.

Из листика.

Знаете, листья такие кленовые, один лист на пять расходуется, вот один лист это хвост, два листа – передние ноги, еще два листа – задние, а черенок, это голова.

Вот такой конь.

Конь-драконь.

Зеленый, потому что.

У него еще лапы, как крылья, он ими то по земле бежит, то по небу летит, и тут, главное, держаться крепче, чтобы не сбросил...

Конь-драконь недолго живет, ну еще бы, листья, они высыхают быстро, пожил-пожил, и нет. Можно, конечно, в воду его ткнуть, он тогда корни пустит, только летать и бегать уже не сможет.

А интересно, когда летает и бегаёт.

Кому интересно?

Ему.

Ну, и мне тоже.

Интересно же.

Конь-драконь.

Нет, это я не про прошлое.

Это я про настоящее.

Ну а что, все в наших руках, про что в детстве мечтали, то и сбудется, вон, Витек космонавтом мечтал стать, он даже ракету смастерил из цистерны, а когда вырос, спился, в два-

дцать пять лет умер... так что не всегда сбывается, конечно, не всегда...

А у меня вот сбылось.

Конь-драконь сбылся.

Конь-драконь отрывается от ветки – стремительно отрывается – прыгает вниз. Даже не успеваю крикнуть ему, чтобы подумал еще, а потом еще, и еще, – и передумал.

А он не передумывает.

Прыгает.

Еле удерживаюсь в седле, да в каком седле, нет тут никакого седла, сижу у него на спине, в меня впиваются его кости, откуда у коня-драконя кости, это же зеленый лист, лист, ничего больше...

Ну, не кости, другое что-то.

Конь-драконь парит в небе, медленно-медленно снижается. Только теперь понимаю, что летать он не умеет, только парить в небе, только медленно опускаться. Земля совсем близко – замираю, уже знаю, что будет, летал в самолетах, помню этот момент, когда только что было мягко и плавно, и тут – ба-бах...

Никакого ба-баха не получается, конь-драконь опускается удивительно легко, скачет по траве.

Конь-драконь спешит.

Надо успеть.

Времени у коня-драконя мало, еще бы не мало, конь-драконь один день до заката живет, а потом умрет, истлеет, вы-

сохнет...

Спешим.

Он спешит.

И я с ним, у него на спине.

Бережно прижимаю к себе сумку, сумка на ремнях, только я все равно бережно прижимаю, боюсь потерять.

– У вас три варианта.

Это мне говорят.

– У вас три варианта.

Хочу спросить – а больше нет – не спрашиваю, и так понятно, что больше мне никто варианты не наштампует.

Солнце клонится к закату.

Что ему еще делать.

Хочется попросить солнце, как в книжках, солнышко-ведрышко, или как там тебя, замри, остынь на час, на два, на вечность...

Конь-драконь желтеет, еще не совсем, еще только-только – но я уже знаю, что это значит, что коня не спасти.

Делаю отчаянную попытку:

– Стой!

Я хочу остановить коня, вот здесь, у реки, у бегущих волн, я хочу напоить его студеной водой, чтобы он ожил.

Конь-драконь отчаянно мотает головой, несется дальше во весь опор.

Проклинаю себя, это я, это я во всем виноват, сманил коня-драконя с родного дерева, от родных братьев, увел неведомо куда, уболтал сказками. А ведь может ничего не получится, да что значит, может – и не получится, выдумал аферу, возомнил о себе черт знает что...

Солнце заходит.

Конь-драконь падает в изнеможении. Еще поднимает голову, еще пытается ползти, – не может, снова опускается на песок.

Лаборатория совсем рядом, в двух шагах, – бегу ко входу, утопаю в песке, звоню в дверь... На пороге появляется милостивая девушка, не понимаю, почему девушка, как, откуда, какой доктор наук, а, так это вы и есть, а я представлял себе высохшего старика, а тут вот оно что... девушка уходит туда, где все белое, стерильное, мне туда нельзя, я черный, грязный, перемазанный песком пустыни...

– ...готово.

Это девушка.

Не понимаю, не верю себе, как готово, почему готово, вот так, – раз и готово, результат положительный...

Врываюсь туда, где все белое, стерильное, дайте, дайте, дайте мне, что у вас получилось, ну пожа-а-луйста, хватаю стекляшку с чем-то мутным, бегу прочь, кто-то окликает меня, вы погодите, это же не пить, это в инъекциях надо, ору, давайте, давайте в инъекциях, да чего вы копаетесь, чего...

Бегу в песок пустыни, где конь-драконь, уже нет никакого

коня, истлевшие листья...

Смотрю на девушку в белом, бормочу какие-то извинения, наорал на неё все-таки, а она тут при чем... девушка тоже бормочет какие-то утешения, вакцина доставлена, теперь листья будут падать с деревьев и летать далеко-далеко...

– Какой вариант выбираете?

– Стойте... дайте подумать... сейчас, сейчас...

Смотрю второй вариант, легко сказать – смотрю...

– ...готово.

Киваю:

– Отлично. Ну, вы вообще молодец.

– Да и вы молодец, мы уж не верили, что довезете...

– А зря вы в меня не верили.

– А вы его как вообще оседлали-то?

– Да просто оседлал... я ему такого наплел, не поверите...

– Уздечку-то?

– Да нет, уздечка, это другое... я ему там наплел, что вакцину сделали, которую если ввести, листья сами по себе без дерева жить смогут...

– Как без дерева? Корни пустят?

– Ну и не корни даже, а просто без дерева, сами по себе...

– И что они есть будут?

– Ну, я ему наврал, что мясо...

– Вам с вашей фантазией только сказки сочинять... Хоро-

шо что он сам не понимает, как устроен, а то бы посмеялся над вами...

– Ну а я зря, что ли, пять лет финансовые пирамиды строил, людям фигню всякую впаривал...

– Третий вариант смотреть будете?

Думаю, надо мне это или нет.

...вариант не спрашивает, буду я его смотреть или не буду, вариант вываливается на меня всеми своими... что там есть у вариантов, крылья, ноги, хвосты, ничего нет, просто наваливается...

...вонзаю иглу в еще зеленую ветку, поглядываю на девушку, правильно ли делаю, она кивает, верно, верно, ввожу вакцину...

...ничего не происходит.

Вздрагиваю:

– Не получилось?

– Отчего же не получилось, что ж вы за человек, все-то вам здесь и сразу надо... в фильмах это, конечно, хорошо показывают... раз, и все... а в жизни все так прозаично бывает... это еще лечить и лечить его...

– И сколько лечить?

– Откуда ж я знаю, первый раз пробуем...

Конь-драконь.

Я жду, когда он проснется.

Я знаю, что он проснется.

Скоро.

Здесь.

Сейчас.

Потому что он уже зеленый, весь зеленый, он спит – но мне кажется, он слышит меня, он узнает меня, он...

Шорох в соседней комнате.

Это конь-драконь.

Я знаю.

Конь-драконь.

Отчаянный крик.

Там.

За дверью.

Это не конь-драконь, это... это...

Ее зовут Ирма.

Вернее, звали.

Я не вижу, что происходит там, за дверью – но понимаю.

Её звали Ирма.

Думаю, насколько нам хватит Ирмы. Так и думаю – нам, хотя мне эти Ирма совершенно не нужна.

И что будет потом.

А у меня в детстве конь был.

Конь-драконь.

Из листика.

А мечты сбываются.

А вы мечтайте, и сбудется.

А у меня вот сбылось.

Её зовут Ирма.

Или звали.

– Какой вариант вы выберете?

У меня конь-драконь был...

Конь-драконь...

Цаха

А у нас праздник.

У кого, у нас?

У всех, у нас.

И Цаха со всеми празднует.

Весело Цаха.

Нет, не Цахе.

Цаха.

Не склоняется.

Весь-весь народ – и стар, и млад – празднуют приход весны.

И Цаха празднует.

Весь-весь народ – и стар, и млад – жжет свечи, символ солнца.

И Цаха свечи жжет.

Молодые у стариков спрашивают, а что такое весна. Старики стоят, подбоченившись, э-э-х, молодежь, ничего-то не знаете, все-то учить надо, весна, это... это же...

...и сами замолкают испуганно, сами не знают, что за весна такая.

Веселится народ.

И Цаха веселится.

Еще бы, кончается зима...

...уворачиваться надо, скорей-скорей-скорей...

Ёхьё уворачивается, – и вовремя, смерть пролетает мимо.

Смерть.

Это твердая смерть, это снаряд. А есть еще лучевая смерть, это луч такой. И смерть-пар, пары ядовитые.

Ёхьё прячется за выступами скалы, целится в темноту. Там, в темноте затаились враги, только здесь уже не помнишь, что там враги, кажется, что стреляет сама темнота...

...что стреляет сам свет, острый, жгучий, беспощадный там, с той стороны, где пылающая смерть – вон она, круглая, раскаленная, зависла в небе, враги ей поклоняются, пылающей смерти, храмы в её честь воздвигают...

Ёхьё целится в свет...

...целится в темноту, Ёхьё уже знает, где в темноте враг, Ёхьё только что смотрел из темноты на свет.

Стреляет.

Там смерть.

В темноте.

Ёхьё падает с простреленной головой, еще пытается понять, кто в него стрелял, да никто не стрелял, – но Ёхьё падает с простреленной головой...

...веселится народ.

И Цаха веселится.

Еще бы, кончается зима, не век же ей быть, пора ей уходить уже, чтобы людям жить можно было.

Люди же.

Жить же хотят.

Проснулись люди от многовековой спячки, вылезли из своих нор, смотрят, как собирается в черной пустоте космоса новая вселенная, – еще совсем крошечная, раскаленная, сжатая в бесконечно яркую точку, – во сейчас вспыхнет, сейчас оживет.

Весь-весь народ – и стар, и млад – жжет огни, символ солнца.

И Цаха огни жжет.

Радуются.

Молодые у стариков спрашивают, а когда вселенная – это как? Старики отмахиваются, чего ко мне лезешь, вон, в истоках посмотри, молодые не отстают, а так разве не вспомнишь, старики отмахиваются, смеешься, что ли, я миллиарды лет на свете, что ли, живу?

...что стреляет сама твердь – там, далеко внизу.

Страшное слово, жуткое слово – т-в-е-р-д-ь.

Ёхьё парит в тумане, уворачивается от выстрелов снизу, у Ёхьё это ловко получается, еще бы, всю жизнь парил в тумане, в облаках. Снова стреляют оттуда, снизу, это лучевая смерть, яркая, пылающая, – огромный замок, парящий в облаках, разлетается на осколки, разбитый лучом.

Твердь.

Ёхьё ругается – вслух, во весь голос, – твердь, твердь, тверр-р-р-дь...

...ничего, наша возьмет, Ёхьё ещё не понимает, как, но знает – наша возьмет, разнесем эту твердь до самого основания, мало не покажется...

...мало не покажется. Ёхьё целится в густой туман, Ёхьё знает, где там только что парил вражеский солдат, Ёхьё выпускает снаряд...

...мати-твердь, сохрани и убереги...

Есть.

Мерцающий туман окрашивается синей кровью врага.

Ёхьё чувствует, как его пронзает невыносимая боль, ещё пытается понять, кто в него стрелял, никто не стрелял....

...отмахиваются, смеешься, что ли, я сотни лет на свете, что ли, живу?

Молодые спрашивают – а чего, дожди каменные сто лет были?

– Э-э-эх, молодежь, чему вас только в школе учат...

И весь народ – и стар, и млад – жгут благовония, курения жгут, как символ весны.

И Цаха жжет.

Цаха с разбегу налетает на кого-то, о-й-й-й, из-звините, нет, не налетает, это в другом мире прохожий стоит, а в этом

мире прохожий сзади стоит, на которого Цаха налетает, двка, ты куда прешь, ты глазами-то смотри... Или нет, это тоже в другом мире, а в этом мире на Цаха праздничный кортеж едет, уворачиваться надо, скорей-скорей-скорей...

Ёхье вздрагивает, стряхивает с себя сонное оцепенение, какая твердь, какой туман, тут надо сигнал ловить, оттуда сигнал, с той стороны пространства...

Ёхье ловит сигнал, сигнал не ловится, о-о-о, неизогнутая пустота...

(...Ёхье так и думает про себя в сердцах – неизогнутая пустота...)

...ведь только что был сигнал, только что, только что был, и уже нет, нет...

Ёхье беспомощно оглядывает пространство, изогнутое причудливой дугой, видит самого себя со стороны, нда-а, несолидно смотрится Ёхье за пультом, правильно про Ёхье говорят, что таким только сор подбирать, а не за пультом сидеть...

...только сор подбирать, а не за пультом сидеть, а к черному карлику Ёхье вообще близко подпускать нельзя, только испортит всё. Там, за горизонтом событий враги над Ёхье сейчас посмеиваются, не иначе, да нет, не посмеиваются, они Ёхье не видят, видели бы, ржали бы во все горло...

Ёхье стряхивает с себя сонное оцепенение. Что он делает,

что он здесь делает, а, ну да, остановить, остановить войну, если бы все люди видели то, что видит Ёхьё, если бы...

Цаха смотрит на Ёхьё.

Никогда такого не видела.

А вот – Ёхьё.

Хорошо собой... ну, по своим меркам, может, и хорош, что там у них положено, чтобы волны от кристалла ровно шли, или чтобы росточки ровно росли, или чтобы мандибулы были в боях надкушены, кому что. Ёхьё, вроде, доволен собой, не то, что Цаха, тут Цаха не нравится, что кожа сильно белая, а там Цаха не нравится, что маховое перо не так торчит, а там вообще, страшно сказать, все уже на разрешение Экс перешли, а у Цаха – разрешение Икс допотопное, на такую Цаха и не посмотрит никто...

– Ну что я могу сказать... случилось.

– Что случилось?

– А то сами не знаете... еще спрашиваете.

– Зерно, что ли, привезли?

– Хороши придуриваться. Говорю вам – случилось.

– Да что такое-то?

– Встретились, что, что такое...

– Слушайте, вероятность один к...

– ...плевать они хотели на ваши вероятности.

– Что делать?

– А то сами не знаете...

Ёхёё знает, что делать.

Теперь знает.

Цаха подсказала.

Цаха, она вообще умная.

Ёхёё смотрит на горячий лед.

Это не метафора.

Горячий лед.

Земля такая, на которой горячий лед.

Это Цаха показала.

А Ёхёё землю с горячим льдом людям показал.

Люди оглядываются, люди мечутся в растерянности, люди не понимают, что такое, в чем дело, как, почему, зачем, как горячий лед, уж или лед, или горячий, лед он там, где темнота, где люди ночи, а горячий – он там, где день, где люди света, а тут лед – и горячий.

Земля такая.

Где горячий лед.

А что, земля близко к звезде, раскаленная, горячая.

А лед-то откуда?

Откуда лед?

А-а-а, стойте-стойте, это, наверное, не вода, а другое что-то, что в такую жару твердым остается?

Нет.

Вода.

Тогда как же так?

Говорили мы вам, земля-то большая. Вас на эту землю поставить, от вас лепешка останется.

Вот вода в пар переходит, а пар подняться не может.

Лежит как лед.

Люди в недоумении смотрят на свои новые тела, сплюснутые, плоские, жуткие, кто-то видит вокруг себя сплюснутых тварей, хочет вскрикнуть от ужаса, не сразу понимает, что выглядит не лучше... ну как не лучше, ну у него щупики подлиннее будут, и спереди волнами, волнами, это в нынешнем сезоне модно, вон, все девки вокруг него так и выются...

...недавние враги оглядываются, не понимают, что дальше, то лед, а то горячий, а тут – горячий лед.

Ёхё задумывается, что дальше делать, где найти место, чтобы там и твердь, и туман, и туда врагов поселить. А ведь надо еще где-то найти место, чтобы пространство не выпрямлялось и не искривлялось, а как это сделать, вообще непонятно...

Ничего.

Цаха придумает что-нибудь.

Она вообще умная.

Цаха не слышит.

Цаха не до того.

У Цаха праздник.

Ну, и у остальных у всех тоже.

Люди празднуют приход весны. Не век же зиме быть.

Люди жгут огни, славят весну. И Цаха весну славит.

Солнце приближается. Не будет больше многовековой зи-

мы...

...не будут падать камни с неба, отпадали своё...

...влага испаряется. Когда солнце уходит, пар застывает и падает на почву глыбами льда. В это время местные жители переживают непогоду, укрываясь в пещерах, а потом всем миром празднуют приход солнца и окончание сезона камнепада. К сожалению, немногие переживают приход солнца – за бессолнечные годы, проведенные под землей, люди успевают забыть, что раскаленное солнце, поднимаясь в зенит, сжигает все живое...

У людей праздник.

А у Цаха нет.

Цаха думает, что делать, как людей предупредить, не закричишь же во все горло – ау-у-у-у, лю-у-у-уди-и-ии, не ходите на солнце – не услышат, на смех поднимут, а то и вовсе на костре сожгут...

А вот что...

Цаха знает...

...люди в изумлении оглядывают неведомый мир, непривычные тела, да какие тела, это не тела, это не пойми, что, волны, волны, волны.

Празднуют весну...

...а, ну да.

Люди же весну празднуют.

И правда, какая разница, какие там тела, чего там тела, праздник же, весна же, зима уходит, солнышко возвращается, вот оно уже собралось в крохотную точку, скоро вспыхнет. Кто-то в неведомых лабораториях уже сварганил давно забытые всеми молекулы с давно забытыми названиями, азот, углерод, водород, аденин, гуамин, цитозин, тимин, белки, кислоты какие-то – получилось что-то причудливое, переплетенное, кто-то говорит:

Колосья.

Обряд такой.

Обычай на праздник весны.

Все спешат на колосья посмотреть.

И Цаха спешит.

Посмотреть.

Сталкивается с кем-то, отчаянно пытается понять, это в каком мире столкнулась, в одном, в другом, в третьем, не-ет, это вообще какой-то мир незнакомый...

А.

Ну да.

Цаха делает шаг в сторону:

П-простите.

И этот, с которым Цаха столкнулась, тоже делает шаг в сторону:

П-простите.

Этот.

Его Ёхьё зовут.

Смотрят друг на друга в суете праздничного карнавала, тут что-то сказать надо, знать бы еще, что. Мимо мелькают миры, миры, миры, что-то происходит, понять бы еще, где, что-то несется с грохотом...

...погибли двое, по предварительным данным находились на проезжей части...

Мертвая наполовину

– Что с тобой?

Ты помнишь, как сказал это:

– Что с тобой?

Как я вошла, ты увидел меня, еще не сразу понял, что случилось, еще думал, шутка какая-нибудь, розыгрыш, а потом —

– Что с тобой?

И тебя можно понять, зрелище было не для слабонервных, и это еще мягко сказано – не для слабонервных. Наполовину – миловидное девичье лицо, чуть подернутое туманом, наполовину – истлевшие кости, паутина дрожит на ветру.

– Что... что с тобой?

Понимаю, что уже не успею придумать какую-нибудь ложь, говорю, как есть:

– Я умерла.

– Ты...

– ...умерла. Наполовину.

Кажется, тогда ты даже не спросил, как это – наполовину. Или тебе уже все было понятно.

А я тебя давно знаю.

Еще с тех времен... с каких? Да когда тебе еще лет десять было, а то и меньше. Я видела тебя в щелку между штора-

ми. И ты тоже меня увидел, хотя нет, еще не увидел, просто остановился, посмотрел в темноту, ткнул пальцем:

– А тама чи-во?

– Ничего, ничего, пойдём спать.

Это говорила твоя мама, или няня, или тетя, сейчас уже не помню, кто, а может, и не знаю. Я смотрела на тебя из темноты, я тебя видела, а ты меня нет.

Я не могла показаться тебе. Даже когда ты убежал от взрослых и сам пошел изучать бесконечные коридоры огромного замка – я не могла тебе показаться. Даже когда ты заблудился в анфиладах и переходах – я не могла выйти к тебе, только слышала твой плач в сумерках.

– Кто ты?

Это было потом. Уже совсем потом, тебе было лет семнадцать, ты получил диплом чего-то там за что-то там, а потом был сияющий зал, свечи, шампанское, все тебя поздравляли, полный дом гостей – вот тогда-то ты и заметил меня. Не знаю, что ты увидел, может, тень на стене, или взмах моего платья, или изгиб руки.

– Кто ты?

Это уже потом, когда ты встал из-за стола, поспешил к выходу, извиняясь перед гостями, пошел прочь от залитых светом комнат в темноту заброшенных залов, и —

– Кто ты?

Я тебе не ответила, я не могла ответить.

– Не бойся... пожалуйста... не бойся!

Я не боялась тебя, мне нечего было бояться.

– Отец... расскажите мне о той... в комнатах...

– О какой, о той?

– Она живет в темных комнатах.

Валентайн, тебе уже двадцать лет, ты веришь в какие-то сказки...

– Но я видел...

– ...тебе показалось.

Я могла войти к тебе в комнату в любой момент. Например, ночью, когда все спят – войти, чтобы ты увидел меня. Я не делала этого. Знаешь, почему?

Я знала, что меня ждет.

И еще.

Ты был не готов к этому. Я не знала, будешь ли ты вообще готов когда-нибудь, или ты так и проживешь свою жизнь, получишь ученую степень по чему-то там, женишься, вырастишь детей, и никогда не узнаешь, что я...

Так уже было. В предыдущий раз. И в предпредыдущий. И в предпредпредыдущий. Много их было в старинном замке, – которые смотрели в темноту заброшенных комнат и спрашивали:

– А что там?

И им отвечали:

– Там ничего нет.

Они не верили – до какого-то возраста, как правило, лет до семнадцати, а потом кивали:

Ничего нет.

И я оставалась жить.

Ты пришел ко мне неделю назад – помнишь? Сразу после смерти отца, сразу после похорон, как только огласили завещание, что старинный замок переходит в твою власть – как будто ты ждал этого. Ты не стал подниматься в большие залы и не стал оглядывать библиотеки и сокровищницы – ты сразу же направился в темные комнаты, куда никогда не проникал луч солнца.

– Кто вы?

Вот так ты спросил меня:

– Кто вы?

А потом:

– Не бойтесь... пожалуйста... не бойтесь...

Я показала тебе пульт. Помнишь? Еще ждала, что ты спросишь меня, что это такое.

Ты не спросил. Ты понял сразу же. И когда я показала тебе записи, ты не стал спрашивать, что это за шкатулки. Ты задраил люки в тот же день, ты вошел в самую высокую башню и сел в кресло, которое пустовало уже несколько веков.

Я думала, что напишут наутро местные газеты в маленьком городке. Может, они скажут правду, приведут рассказы жителей, которые видели, как огромный замок с ревом

и грохотом поднялся в небо. А может, придумают что-нибудь, что старый дом сгорел, или что его вообще никогда не было, а Валентайн, выдающий себя за наследника богатого рода, был самозванцем...

Я уже не узнаю, что напишут газеты.

Никогда.

– Что... что с тобой?

А это уже потом.

– Что с тобой?

Ты смотрел на меня, ты не мог понять, что происходит, почему мое миловидное лицо наполовину истлело, и на глазнице черепа дрожит паутинка.

– Я умерла. Наполовину.

– Но... почему? А, ну да... конечно...

Я спохватилась:

– Постой-постой, ты еще не все узнал! Ты же...

Ты выставил руки вперед:

– Нет, нет... ни слова больше...

– Ни слова? Ты что? Ты даже не знаешь, куда и откуда...

– ...ни слова! – ты зажал уши руками и сорвался на крик, – ни слова больше! Я не хочу ничего знать!

Ты даже не знаешь, что происходит, какие опасности...

Ты отвернулся, ты убежал в бесконечные лабиринты дома, выкрикивая что-то – нет, нет, не хочу, чтобы ты умирала...

Кажется, в тот раз ты впервые назвал меня по имени.

Меня.

По имени.

Тайна.

Черри

А вы мне скажите, вы зачем вернулись?

Ну да, десять лет назад улетели отсюда, а тут на тебе.

Чего-чего? Какую тетю Дусю навестить, может, не надо так нагло врать, в жизни вы у тети Дуси не были и даже не собирались.

Так зачем?

По делам?

И какие у вас были дела, разрешите узнать? Не бойтесь, никуда эта информация дальше не пойдет.

Да никто за вами не следил, что тут следить... взяли билет на двадцать шестое число, океан перелетели, рванули из Москвы в Воронеж, еще торопились, еще боялись опоздать... куда? А у вас рейс задержали, а вы так волновались, так боялись не успеть...

...что не успеть?

Может, скажете?

Да что за вами следить... прилетели в Воронеж, и сразу на Дарвина. Да таксист подтвердит, вы же сами ему сказали – перекресток Дарвина и Ломоносова. Вы мне скажите, вы там что забыли-то? Вы там отродясь не жили. И не работали. Что, просто свежим воздухом подышать приехали? На скамеечке посидеть?

А это у вас что, если не секрет? Вон, в переноске. Ух ты,

какой... это он, она? Он? Это же сеттер? Не, не сеттер? А-а-а, сидите вы на лавочке, смотрите, школота мучает там кого-то, вы пошли, щенка отобрали... а чего в Воронеже не могли никуда пристроить, чего с собой потащили? Понравился? Это вам сейчас с ветпаспортом еще мучиться... Как назвали? Черри? Ну-ну...

– Ну, знаете... иногда я спрашиваю себя, кем бы я был, если бы остался в Воронеже... и... честное слово, мне становится страшно.

– Прямо-таки страшно?

– Ну да. Понимаю, что здесь я бы ничего не добился. И не надо мне, пожалуйста, вот это вот – не место красит человека, а человек место, – я знаю, что мое место не в Воронеже, а по другую сторону океана.

– Скажите, пожалуйста... а вы ни о чем не жалеете?

– Как вам сказать... пожалуй, нет.

– А если подумать?

– Нет.

– А детектор уверяет, что вы врете.

– Ну, на этот раз врет детектор.

– И всё-таки... о чем вы жалеете?

– ...понимаете... я вот жалею, что десять лет назад отсюда не уехал.

– Куда не уехали?

– Мне работу предлагали, понимаете... в Кремниевой долине.

– Ух ты...

– Вот-вот... а я забоялся чего-то... и где я теперь? Вот так всю жизнь в этой дыре...

– Ну, знаете, будете сидеть ныть, так в дыре и останетесь...

– Да много вы понимаете... Черри, ты куда лезешь, куда ты на стол лезешь, я тебя спрашиваю...

– Это сеттер?

– Да не... на улице подобрал... иду, вижу, дети бьют кого-то...

– Ну, вы вообще герой...

– По рукам?

– По ру... Черри, чего ты лезешь, чего лезешь, я спрашиваю, куда ты на стол лезешь... Черри... – Черри? Черри...

Ну что... может, объясните, за чем в Воронеж ездили? Да ладно, черт с ним, с Воронежем... Вы объясните, как это у вас получилось-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.